

Аматаризель Джулианна Кортес

**Я вырастила безумного
тирана, но он не хочет
меня отпускать**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К69

Кортес А. Д.

К69 Я вырастила безумного тирана, но он не хочет меня от-
пускать / Аматаризель Джулианна Кортес. – М.: Литнет,
2026. – 308 с.

ISBN 978-5-521-99325-3

В своей прошлой жизни я была обезглавлена на заснеженной пло-
щади по приказу безумного Императора. Моя кровь окрасила белый
снег, а в ушах стоял его смех. Но небеса дали мне второй шанс. Я вер-
нулась на десять лет назад. Чтобы выжить, я приняла безумное реше-
ние: найти этого монстра, пока он еще ребенок, и... усыновить его.
Я стану для него всем: спасителем, семьей, миром. Я воспитаю его
добрым и изменю судьбу.

– Матушка, если кто-то посмотрит на вас, я выколю ему глаза. Вы
же не против? – Кажется, я где-то просчиталась. Вместо доброго пра-
вителя я вырастила одержимого тирана, для которого не существует
никого, кроме меня....

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99325-3

© Литнет, 2026
© Кортес А. Д., 2026

Глава 1

Снег падал медленно, словно небеса оплакивали тех, кто сегодня не вернется домой.

В столице Ханьян зимы всегда были суровыми, но этот холод проникал глубже, чем мороз – он впивался в кости, замораживая саму душу. Я стояла на коленях в центре площади. Грубые веревки врезались в запястья, содранные в кровь, но я почти не чувствовала боли. Мои босые ноги почернели от обморожения, а белое, когда-то роскошное одеяние преступницы теперь напоминало грязную тряпку, облепившую исхудавшее тело.

Толпа гудела. Простолюдины, торговцы, мелкие чиновники – все они пришли посмотреть на падение дочери Великого Министра.

– Грешница Сон Хеён! – голос глашатая прогремел над площадью, перекрывая шум ветра. – Ты обвиняешься в покушении на священную особу Императора, в сговоре с мятежниками и черном колдовстве! Твоя вина доказана!

Ложь. Каждое слово было ложью, выкованной в кулуарах Змеиного дворца. Я никогда не желала зла Империи. Моим единственным грехом было то, что я родилась в семье Сон, которая стала слишком влиятельной для молодого Тирана. И еще большим грехом было то, что я посмела отвергнуть его милость, когда он предложил мне стать его наложницей низшего ранга, унизив тем самым честь моего рода.

Я медленно подняла голову. Шея затекла, спутанные длинные волосы закрывали обзор, но я откинула их резким движением головы.

Высоко, на деревянном помосте, задрапированном красным шелком, сидел он.

Император О Мёнхван.

Даже издали его аура давила, заставляя дышать через раз. Он лениво подпирал щеку кулаком, его черные, как бездна, глаза смо-

трели прямо на меня. В них не было ни торжества, ни жалости. Только всепоглощающая скука и... странная, пугающая пустота. На его губах играла легкая улыбка безумца, который только что приказал вырезать половину знати, просто потому что ему не понравился цвет неба.

«Безумный бастард», – прошептала я одними губами.

Кажется, он прочитал это по моему лицу. Его улыбка стала шире. Он слегка махнул рукой, подавая знак палачу.

Толпа затихла. Барабанная дробь ударила по нервам.

Палач, огромный мужчина с лицом, скрытым маской, набрал в рот рисовой водки и прыснул ею на лезвие широкого меча. Жидкость сверкнула в тусклом свете зимнего солнца.

Я не закрыла глаза, не хотела дарить им удовольствие видеть мой страх. Я смотрела прямо на Мёнхвана. Я хотела, чтобы мой взгляд стал его проклятием. Чтобы мое лицо преследовало его в ночных кошмарах до конца его жалких дней.

«Если бы я знала... Если бы я только знала десять лет назад, что этот мальчишка с глазами побитой собаки превратится в чудовище, я бы задушила его собственными руками».

Меч взметнулся вверх. Вспышка стали.

Мир перевернулся.

Последним, что я увидела, был белый снег, стремительно приближающийся к моему лицу, и красные брызги, расцветающие на нем, подобно бутонам камелии. А затем наступила тьма.

– ... госпожа? Молодая госпожа!

Голос звучал глухо, кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

Зачем они будят меня в аду? Разве демоны не дают покоя даже мертвым?

Я с трудом разлепила веки. Яркий свет ударил в глаза, заставив меня зашипеть и закрыть их снова.

– Госпожа проснулась! Скорее, принесите воду с медом! У неё жар спал!

Этот голос... Няня Чхве? Но ведь няню Чхве казнили три года назад, когда мой отец попал в немилость. Её голову выставили на пиках у южных ворот.

Я резко села, голова закружилась, к горлу подступила тошнота.

– Госпожа! Осторожнее, вы были в беспамятстве три дня!

Я моргнула, пытаясь сфокусировать зрение. Передо мной было не ледяное чистилище и не тронный зал Ямы, владыки загробного мира. Я сидела на мягком футоне, расшитом журавлями. Воздух пах не кровью и гнилью тюремных камер, а дорогим сандалом и лекарственными травами.

Свет просачивался сквозь рисовую бумагу раздвижных дверей. В углу комнаты стоял мой любимый лаковый столик с перламутровой инкрустацией, который был конфискован императорской гвардией во время обыска.

Мои руки.

Я подняла их к лицу. Кожа была бледной, нежной, без единого шрама от кандалов. Ногти были аккуратно подстрижены и блестящие. Это были руки аристократки, которая никогда не знала тяжелого труда, а не руки преступницы.

– Зеркало... – мой голос прозвучал хрипло, ломко.

– Что, госпожа?

– Принеси мне зеркало! Немедленно! – крикнула я, и служанки в страхе отшатнулись.

Няня Чхве поспешно подала мне бронзовое зеркало. Я вцепилась в рукоять так, что побелели костяшки.

Из полированной поверхности на меня смотрела совсем юная девушка. Щеки еще сохранили детскую припухлость, под глазами не залегли тени скорби, а кожа сияла свежестью персика. Мне здесь не двадцать пять. Мне здесь...

– Какой сейчас год? – спросила я, не отрывая взгляда от отражения.

Служанки переглянулись. Видимо, они решили, что лихорадка повредила мой рассудок.

– Четвертый год правления Императора Тэчжона, молодая госпожа, – осторожно ответила няня. – Сейчас середина третьего лунного месяца.

Четвертый год...

Зеркало выпало из моих рук и с глухим звоном ударилось о пол.

Десять лет. Небеса вернули меня ровно на десять лет назад. Я жива. Мой отец жив. Мой клан еще процветает. И тот, кто отрубил мне голову...

О Мёнхван.

В это время он еще не был кронпринцем. Он не был даже признанным принцем. Он был всего лишь бастардом, рожденным от безродной наложницы, которая умерла в родах. Сейчас он должен быть... Где он сейчас?

Воспоминания нахлынули волной. Десять лет назад по столице поползли слухи, что императорская стража ищет «пропавшее сокровище». Позже выяснилось, что старый Император, чувствуя приближение болезни, решил найти своего единственного сына, которого когда-то приказал выбросить, но которого тайно спасли слуги.

Через полгода его найдут. Его приведут во дворец диким, озлобленным, не умеющим ни читать, ни писать. Придворные будут издеваться над ним, наложницы – травить. И именно там, в этом котле яда, выкуется тот самый Тиран, который зальет страну кровью.

Я сжала одеяло в кулаках. Мое сердце колотилось так сильно, что отдавалось в ушах.

Я могу сбежать. Уехать в далекую провинцию, выйти замуж за мелкого дворянина и жить тихо.

«Нет».

Он найдет меня. Когда Мёнхван пришел к власти, он уничтожил всех дворян, кто хоть как-то был связан с его прошлыми унижениями. Клан Сон был слишком заметен. Куда бы я ни сбежала, его тень накроет империю.

Убить его? Сейчас он просто ребенок. Я могла бы найти его раньше стражи и...

Перед глазами снова встала картина моей казни. Но затем я вспомнила глаза Мёнхвана-ребенка, о которых мне рассказывали. Ребенка, которого били палками за кусок хлеба.

Если я убью ребенка, чем я буду лучше того чудовища, что сидело на троне?

В голове, словно вспышка молнии, созрел иной план. Безумный. Невозможный. Но это был единственный путь.

Я должна найти его первой. Не для того, чтобы убить, а для того, чтобы стать его миром.

Если он вырастет, зная тепло, а не холод, если он будет называть меня не врагом, а... спасительницей? Семейей?

Я воспитаю его. Я сделаю из него человека. И тогда, через десять лет, меч не опустится на мою шею.

– Няня, – мой голос окреп. В нем зазвучала сталь, которой раньше не было у изнеженной дочери Министра. – Вели подготовить паланкин. И скромную одежду. Таковую, какую носят дочери торговцев.

– Но, госпожа, вы только встали с постели! Лекарь велел...

– Я сказала, живо! – я откинула одеяло и встала. Ноги дрожали, но я заставила себя стоять прямо. – И позови начальника охраны Ли. Мне нужны два самых надежных человека. Тех, кто умеет держать язык за зубами.

Я подошла к окну и распахнула створки. Весенний ветер ворвался в комнату, неся аромат цветущей сливы. Снега не было. Солнце сияло.

Я жива. И в этот раз я сама напишу свою судьбу.

Трущобы западного квартала, известные как «Паучья яма», были язвой на теле процветающей столицы. Сюда не заглядывала городская стража, здесь даже днем царил полумрак из-за нагромо-

ждения лачуг, построенных друг на друге. Вонь нечистот, гнилой рыбы и немытых тел.

Я прижала к носу надушенный платок, стараясь не наступать в лужи подозрительного происхождения. На мне было простое хлопковое платье темно-синего цвета и накидка, скрывающая лицо. Рядом молчаливыми тенями следовали два охранника из моего поместья. Они были в обычной одежде наемников, но их руки лежали на рукоятях мечей, спрятанных под плащами.

– Госпожа, это место опасно, – прошептал один из них. – Вам не стоит здесь находиться. Кого мы ищем?

– Ребенка, – коротко ответила я. – Мальчика лет восьми-деяти. Грязного, худого. Возможно, с ним жестоко обращаются.

Я знала примерное местоположение. В прошлой жизни, в хрониках правления Тирана, упоминалось, что его нашли в подвале игорного дома «Красный Лотос», где он работал прислугой за обеды.

Мы шли по узким переулкам. Мимо пробегали крысы размером с кошку. Нищие провожали нас жадными, мутными взглядами, но, видя крепких охранников, не решались приблизиться.

Вот и «Красный Лотос». Покосившееся двухэтажное здание, откуда даже днем доносились крики и стук игральных костей.

– Ждите здесь, – приказала я охране.

– Госпожа! Мы не можем...

– Вы привлечете слишком много внимания внутри. Если услышите мой крик – врывайтесь. А пока стойте и смотрите, чтобы нас не окружили.

Я поправила накидку и толкнула тяжелую дверь.

Внутри пахло табачным дымом и дешевым рисовым вином. В зале сидели мужчины самого разбойничьего вида. Я старалась идти уверенно, не опуская глаз. В таких местах страх – это приговор.

– Хозяин! – громко позвала я, бросив на стойку увесистый кошель с монетами. Звон серебра заставил всех замолчать.

Крупный мужчина с бельмом на глазу лениво поднялся.

– Чего надо благородной даме в такой дыре? – усмехнулся он, сразу раскусив мое происхождение, несмотря на простую одежду. Осанку не спрячешь.

– Мне нужен слуга, – холодно произнесла я. – Мальчишка. Я слышала, у тебя есть один. Безымянный, дикий.

Хозяин прищурился.

– У меня много мальчишек. Зачем тебе именно тот?

– Это не твое дело. Я плачу за него. Вдвое больше, чем он стоит.

Я развязала кошель, позволяя увидеть блеск серебряных лянов. Глаза хозяина жадно сверкнули. Для него жизнь сироты стоила меньше, чем кувшин вина.

– Он в сарае на заднем дворе. Только он кусается, леди. Дикий звереныш. Если отгрызет тебе палец, я не виноват.

Он махнул рукой в сторону задней двери.

Я прошла через кухню, где жирные мухи вились над остатками еды, и вышла на задний двор. Там, среди груд мусора, стоял хлипкий деревянный сарай. Дверь была подперта палкой.

Сердце замерло. За этой дверью – моя смерть. Или мое спасение.

Я отодвинула палку и распахнула дверь. Внутри было темно.

– Эй? – тихо позвала я.

В углу, на куче гнилой соломы, что-то зашевелилось. Раздалось низкое рычание.

Мои глаза привыкли к полумраку и я увидела его.

Мальчик был ужасающе худ. Его ребра выпирали сквозь лохмотья, на коже были видны свежие синяки и старые шрамы. Волосы спутались в один грязный ком. Но глаза...

Эти глаза я узнала бы из тысячи. Черные, как бездна, горящие ненавистью ко всему живому. Глаза будущего Императора.

Он сжимал в руке заточенный обломок деревяшки, готовый броситься на любого, кто подойдет.

– Не подходи! – прохрипел он. Голос был сорван, словно он долго кричал или молчал годами. – Убью!

Я медленно опустилась на колени прямо на грязный земляной пол. Нельзя возвышаться над затравленным зверем, нужно стать с ним на один уровень.

– Я не причиню тебе вреда, – мягко сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я пришла забрать тебя отсюда.

– Лжешь! – он оскалился. – Ты хочешь продать меня! Или побить! Все вы хотите!

Боги, он был так мал. И так полон боли. Как я могла бояться этого ребенка? Сейчас я чувствовала только щемящую жалость.

– Посмотри на меня, – я сняла капюшон и свет упал на мое лицо. – Разве я похожа на торговца рабами?

Он замер, рассматривая меня. Видимо, чистая кожа и шелк ленты в волосах сбили его с толку.

– Кто ты? – буркнул он, не опуская деревяшку.

– Меня зовут Сон Хеён. А тебя?

Он промолчал. У него не было имени. Его звали «Эй», «Щенок» или «Ублюдок».

– У тебя нет имени? – догадалась я. – Тогда я дам тебе его, но позже. Сейчас... ты голоден?

Я достала из рукава завернутый в платок медовый хлебец, который захватила из дома. Сладкий запах выпечки наполнил смрадный сарай.

Ноздри мальчика дрогнули. Он не сводил взгляда с еды. Голод боролся с недоверием.

– Возьми, – я протянула руку с хлебцем, но не приближалась. – Это тебе.

Он колебался секунду, а затем бросился вперед с невероятной скоростью, выхватил хлеб и отскочил в угол, впиваясь в него зубами, почти не жуя. Он ел, как дикий зверь, давясь и озираясь по сторонам.

Я смотрела на него, и слезы невольно навернулись на глаза. Этот ребенок – будущий тиран? Этот несчастный, голодный мальчик?

Мир создал его таким и я должна это исправить.